

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ИСТОРИОСОФИИ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

Едошина Ирина Анатольевна, доктор культурологии, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, tettixgreek@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4265-3611>

Аннотация. Статья располагается в проблемном поле историософии русской культуры. В понимании существа историософии автор статьи ориентируется на деонтологию Н.И. Кареева и пассионарную теорию Л.Н. Гумилёва. Кроме того, привлекаются работы современных исследователей русской историософии. Аналитическим процедурам подвергаются тексты В.В. Розанова, связанные с его пониманием личности Петра Великого, его места и роли в русской истории. В отборе текстов Розанова автором статьи используется хронологический метод, дающий возможность представить историософские взгляды Розанова в развитии. Кроме того, для объяснения существа смыслов исторических явлений, подчас их противоречивости используется историко-культурный метод. В статье отмечается, что впервые Розанов обращается к личности Петра Великого в своем философском трактате «О понимании», где указывает на неординарность Петра, вписывает его в мировую историю. Выявляется, что в статьях 1890-х годов Розанов обнаруживает в Петре личность, приносящую стране страдания и одновременно искренне ее любящую. В специальной статье о Петре и позднее в «Опавших листьях» Розанов раскрывает его наиболее значимые осуществленные императором идеалы. В финальной своей работе Розанов подчеркивает необходимость Петра и одновременно трагические для страны последствия его реформ. В итоге автор статьи приходит к выводу, что Петр Первый является альфой и омегой историософских взглядов Розанова.

Ключевые слова: русская культура, историософия, деонтология, пассионарность, Розанов, Петр Великий, личность в истории.

Для цитирования: Едошина И.А. Петр Великий в историософии Василия Розанова // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 132–137. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-132-137>

Research Article

PETER THE GREAT IN THE HISTORIOSOPHY OF VASILY ROZANOV

Irina A. Edoshina, Doctor of Culturology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, tettixgreek@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4265-3611>

Abstract. The article is in the problematic field of the historiosophy of Russian culture. In understanding the essence of historiosophy, the author of the article focuses on the deontology by Nikolai Kareev and the “passionarity” theory of Lev Gumilyov. In addition, the works of contemporary researchers of Russian historiosophy are involved. The texts of Vasily Rozanov, associated with his understanding of the personality of Peter the Great, the first Emperor’s place and role in Russian history. In choosing Vasily Rozanov’s texts, the author of the article uses a chronological method, a way to present V. Rozanov’s historiosophical views in development. In addition, the historical and cultural method is used to explain the essence of the meanings of historical phenomena, sometimes their inconsistency. The article notes that for the first time Vasily Rozanov turns to the personality of Peter the Great in his philosophical treatise “On Understanding”, where he points to the originality of Peter I and inscribes him in world history. It turns out that in the articles of the 1890s, Vasily Rozanov discovers in Peter I a person who brings suffering to the country and at the same time sincerely loves it. In a special article about Peter I and later in “Fallen Leaves”, Vasily Rozanov reveals the most significant ideals realised by the Emperor. In his final work, Vasily Rozanov emphasises the need for Peter I and, at the same time, the tragic consequences of his reforms for the country. As a result, the author of the article comes to the conclusion that Peter the Great is the alpha and the omega of Vasily Rozanov’s historiosophical views.

Keywords: Russian culture, historiosophy, deontology, passionarity, Vasily Rozanov, Peter Great I of Russia, personality in history.

For citation: Edoshina I.A. Peter the Great in the historiosophy of Vasily Rozanov. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 132–137 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-132-137>

135-летию со дня публикации
Василием Розановым
книги «О понимании» посвящается.

Восприятие Василием Розановым (1856–1919) личности Петра Первого (1672–1725) в самых общих чертах впервые, кажется, было обрисовано в статье в «Розановской энциклопедии» [Николюкин: 2008]. Статья эта представляет собой собрание цитат из разных статей Розанова, где упоминается Петр. Вопросы историософии Розанова (в связи с личностью Петра в том числе) рассматриваются в работах Л.Е. Шапошникова. В частности, его статья «Проблемы историософии в творчестве В.В. Розанова» начинается со следующего утверждения: «У Розанова нет специальных больших работ, посвященных философии истории, однако сами эти вопросы широко представлены в его творчестве, более того, именно эта тематика рельефно показывает своеобразие мыслителя» [Шапошников: 30]. Как видим, историософия и философия истории автором статьи понимаются как синонимы. Но так ли это? Потому вначале – о сущности историософии.

По образному определению философа Юрия Петрова (1940–2008), «историческое бытие – не контейнер для “наполнения” его историческими событиями, а определенный способ существования в истории, который реализуется в историческом процессе как самовоспроизводстве общественной жизни в ее вещных и личных компонентах» [Русакова]. Историософия призвана представить исторический процесс как нечто целостное, обусловленное общими и специфическими сущностями человеческого бытия. Потому в контексте дальнейших размышлений актуальными в понятии «историософия» являются следующие смыслы: деонтология (учение об идеалах) Н.И. Кареева (1850–1931) (история как целостный процесс, а историософия как учение об ее общих принципах) [Кареев: 228], теория Л.Н. Гумилёва (1912–1992) о пассионарности: личности, «обладающие этим признаком, при благоприятных для себя условиях совершают (и не могут не совершать) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиций» [Гумилёв: 260].

Ярким представителем такой личности в отечественной истории является Петр Алексеевич из династии Романовых, который именно в силу своей пассионарности перестал именоваться Царем (по собственному желанию), утвердив себя (опять же самолично) первым Императором российским. В этой замене сугубо русского именователя правителя «царь», введенного Иоанном IV Грозным (1530–1584) в 1547 г., на сугубо латинское *imperator* – в значении «повелитель», а со времен Августа «глава Римского государства» – проявилось общее направление дея-

тельности Петра – реформаторское. Потому он понимается как центральная фигура в развороте России в сторону Запада, что повлекло отказ от системы русских ценностей, ее традиций, ее непонимания не только для его современников, но и всей будущей истории государства. Как замечает современный исследователь, «в рамках этой системы координат такие преобразования теперь только и будут почитаться за реформы. Они должны быть соразмерны революциям по всем параметрам, затрагивая различные сферы жизни человека, будучи сопряженными с драматическими последствиями для населения» [Соловьёв]. Потому он – Первый и Великий.

Личность Петра, его правление издавна привлекают внимание деятелей русской культуры, среди них – В.В. Розанов. Он принадлежит к тем редким мыслителям, которым дано проникать в самую сущность феноменов бытия.

Интерес Василия Розанова к Петру Первому проявляется уже в его философской работе «О понимании» (1886). В десятой главе под названием «О целесообразности» Розанов, в частности, рассматривает соотношение идеи вещи (*idea rei*) и вещь, в которую переходит идея вещи (*res in quam idea rei*). Он пишет: «...общество, в котором я хочу осуществить какую-либо идею, во мне возникшую, чуждо моей цели, потому что не знает ее; так материал, из которого художник делает статую, сопротивляется его резцу. Уничтожить эту инертность, неподвижно лежащее или не соответствующее данной цели совершающееся, привести в целесообразное движение – и есть то, что предстоит деятельной силе, уничтожающей сопротивление лежащего между *idea rei* и *res, in quam idea rei*» [Розанов 1996: 331]. В качестве примера Розанов указывает на самые сильные в этом аспекте личности в истории: Цезарь, Иннокентий III и «наш государь Петр I»: «В первых двух особенно поражает нас удивительное соединение желания с тонким и пронизательным умом», что позволило им добиваться цели и господствовать над средствами продвижения своих задач. В Петре Первом, хоть он и вписан в один ряд с этими историческими деятелями, не было свойственных им умений «избирать пути с *minimum*’ом сопротивления», да и русская история не приготовила Петру аналогичных условий для реализации замыслов. В результате Розанов констатирует: «Так что это был, по всему вероятно, наиболее сильно желавший человек на земле» [Розанов 1996: 332].

Петр Первый как «сильно желавший» преобразований человек является, по существу, пассионари-

ем, призванным резко, безоглядно изменить исторические судьбы России. Более того, уточнит позднее Розанов, Петр Первый принадлежит к тем историческим личностям, после которых судьба государства приходит «в чрезвычайное замешательство, ухудшение» [Розанов 2009а: 229]. При этом его деонтология никоим образом не возматала на ненависти к государству, которому он был правителем, он действовал исключительно во благо России. Но средства, к которым он прибегал, носили сокрушительный характер, что подметил еще Пушкин, увидевший в Петре одновременно и прекрасное, и ужасное. Как замечает Л.Е. Шапошников, «в целом Розанов положительно оценивает роль царя-реформатора, подчеркивая “всеоживляющий образ Петра”» [Шапошников: 31].

Петр не просто резко и открыто изменил жизнь России, но словно задал определенную парадигму действий даже тем, кто был решительно против его реформ: «...всякий раз, когда им предстоит не говорить и мыслить, но *поступить* и *делать*, то они *поступают* и *делают* совершенно как Петр» [Розанов 2009б: 265]. Именно по причине того, что они (а речь идет о славянофилах) так поступали, они поняли всю пагубность Петровских реформ. Однако, замечает Розанов, отрицай Петра или нет, невозможно выбросить из русской культуры результаты его реформ и «вернуться к простоте своего быта до реформы Петра, чтобы затем продолжить свою историю так, как будто бы в ней не было перерыва» [Розанов 2009б: 275].

Позднее, во втором коробе «Опавших листьев», Розанов найдет определение для деятельности Петра Первого – «штунда» (нем. Stunde ‘час для толкования Евангелия’; ‘урок’): «Штунда – это мечта, “переработавшись в немца”, стать если не “святою” – таковая мечта потеряна, то по крайней мере хорошо выметенною Русью, без вшей, без обмана и без матерщины дома и на улице. – Несите вон иконы... - Подавайте метлу! С “метлой” и “без икон” Русь – это и есть штунда. Явление это огромно, неуловимо и повсеместно» [Розанов 1990: 609].

Обращение Розанова к этому явлению было не без влияния прочитанного им еще в гимназические годы Ф.М. Достоевского, который в «Дневнике писателя» за 1877 г. пишет «о нашей штунде»: «Несколько русских рабочих у немецких колонистов поняли, что немцы живут богаче русских и что это оттого, что порядок у них другой. Случившиеся тут пасторы разъяснили, что лучшие эти порядки от того, что вера другая. Вот и соединились кучки русских темных людей, стали слушать, как толкуют Евангелие, стали сами читать и толковать» [Достоевский: 11]. Если сопоставить эти тексты, то очевидно, что разными словами, но они толкуют об одном и том же: чтобы русскому переделаться в «немца» для лучшей

в материальном отношении жизни, нужно сменить веру. Но есть и заметная разница в их представлении о штунде.

Размышляя о штунде, Достоевский никак не касается личности Петра. Он уверен, что «штунда не имеет никакого будущего... скоро остановится и... сольется с которой-нибудь из темных сект народа русского» [Достоевский: 13]. В отличие от Достоевского Розанов напрямую связывает процесс переделки и с Петром, и с российской интеллигенцией, усматривая в ней прямое продолжение затеянных Петром реформ: «Штунда – это все, что делал Петр Великий, к чему он усиливался, что он работал и что ему виделось во сне; штунда – это Винавер (один из основателей партии кадетов. – И. Е.) и Милюков (лидер кадетской партии, министр иностранных дел Временного правительства. – И. Е.), это Струве и его “Освобождение” (представитель “легального марксизма”, главный редактор журнала “Освобождение”, издававшегося в Германии в 1902–1905 гг. под лозунгом “Долой самодержавие!”). – И. Е.). Если бы Петр Великий знал тогда, что она *есть* или *возможна*, знал ее *образ* и *имя*, он воскликнул бы: – “Вот! вот!! *Это!!* Я – только *не умел назвать!* Это *делайте* и *так верьте*, это самое!!” Это вычищенные до “блеска золота” дверные ручки в клинике Елены Павловны (Императорский клинический институт Великой княгини Елены Павловны) перед обходом профессора Явейна (врач-эпидемиолог, заведующий отделением Императорского клинического института Великой княгини Елены Павловны; жена – председательница Российской Лиги равноправия женщин. – И. Е.), “просветительские и культурные усилия” гимназии Стоюниной (педагог и общественная деятельница, основательница женской гимназии в Петербурге. – И. Е.), весь Толстой с его “пожалуйста, все читайте Евангелие, и постоянно”, и мчащийся по Сибири с эстафетами о дне прибытия и чтения лекции ех-священник Петров (лишенный сана в 1907 г. священник, либеральный публицист. – И. Е.). Это – все “Вехи” (вышедший под таким названием в 1909 г. “сборник статей о русской интеллигенции”. – И. Е.)» [Розанов 1990: 609–610]. Помещая именование сборника «Вехи» в конце своих размышлений, Розанов словно расширяет его смысл: все названные им явления и имена оказываются вехами в движении России по пути Петровских реформ.

В статье «Петр Великий и Петербург» (1903) Розанов раскрывает наиболее значимые, с его точки зрения, воплощенные идеалы Петра Первого. Прежде всего, Петр лишает русских государей «одеяний», заменяя их на платья [Розанов 2008: 629]. В этой образной форме Розановым раскрывается неприятие Петром «инертности» русской истории, когда все живут «старообразно, тихо, насупившись, сгор-

бившись» [Розанов 2008: 631]. Не оставляет Петр без внимания и личность самого царя, традиционно понимаемого в качестве наместника Бога на земле: «Царь велик, потому что он царь великого народа, а народ самим Небом благословен и тоже велик и счастлив, неся и вознося на раменах своих седалище “Великого Государя Московского”» [Розанов 2008: 629]. Вот этот образ в первую очередь разрушал Петр, изгонял решительно и бесповоротно, жестоко и жестоко, никак не сообразуясь с традицией, видя в ней главное препятствие в приобщении страны к прогрессу и цивилизации. Розанов прозорливо замечает, что Петр не столько преобразовывал Россию, сколько изгонял из русского сознания *Русь-картину*, *Русь-икону*. Не обладая никакими особенными дарованиями, Петр положил начало выходу государства «из киота».

Здесь следует вспомнить, что русская государственность начала обретать свои очертания с принятием православия, избрав, по слову Илариона, в качестве путеводной звезды не Закон, а Благодать. Именно в вере объединялись разрозненные и враждующие между собой княжества. Розанов отказывает допетровской Руси в развитии: «Русь бессилела, чем более она отстаивалась» [Розанов 2008: 630]. В эту условную историческую «картину» отстаивания он вписывает и Михаила Федоровича, и Годунова, и Грозного, и Алексея Михайловича [Розанов 2008: 630–631]. Однако, думается, Петр был органической частью этого процесса, начавшегося сразу же с приходом династии Романовых к власти [Едошина].

Но и Романовы начали не на пустом месте. Их прямым предшественником в плане реформирования государственного устройства был Иоанн IV, именуемый Грозным. Введенная им опричнина не только фактически устранила от власти бояр, не только сделала его единоличным правителем, царем, но и открыла путь к власти людям, по происхождению своему не имевшим на то никакого права. Как результат этих резких изменений вкупе с польскими притязаниями на русский престол – Смута, благодаря которой к власти придет династия Романовых, закономерно увидевшая в Ипатьевском монастыре, основанном предками Годунова, опекаемом Борисом и Ириной Годуновыми, свою колыбель.

Отличаясь острым умом, не лишенным изворотливости, обладая знаниями и финансами, Борис Годунов (1552–1605) являл правителя нового типа, идеально отвечая будущим реформаторским устремлениям династии Романовых. Он впервые доказал, что личностные качества играют важную роль в судьбе человека, потому Бориса Годунова вполне можно назвать человеком ренессансного типа (это к вопросу о гуманистических идеалах в истории Руси) или, по определению Л.Н. Гумилева, пассионарием,

как, впрочем, и Иоанна IV. Без опричнины Грозного не бывать на троне Годунову.

Романовы продолжат реформирование государства, затеянное до них, начав выход «из киота», что нашло отражение в их отношении к православию, которое стали подверстывать под иные традиции: в храмовой архитектуре и в иконописи – под европейские, в исправлении богослужебных книг – под греческие. Причины имели свои оттенки, но неизбежно вели к Расколу, навсегда разделившему русских людей на приверженцев исконной веры и никониан, последователей новых тенденций, которые повсеместно приняла и утвердила Русская православная церковь. Знаменный распев сменился на партесное пение, образцы для писания икон искали у Пискаatora, барокко властно захватило храмовую архитектуру. Петр Первый лишь сыграл свою роль в этом процессе, отменив патриаршество и подчинив РПЦ соответствующему департаменту – Духовной коллегии, будущему Святейшему Синоду, предав таким образом историческому забвению Святую Русь во имя России.

Розанов именует это событие началом «выхода из киота». В каком-то смысле он прав, если иметь в виду, что Петр в своих решениях был громогласен и откровенен, подчас нескрываемо циничен (одни всешутейские представления чего стоят!). И как итог Розанов подмечает: «“Мирное окончание живота христианского” хоть и испрашивалось по-прежнему, но на самом деле перестало быть заботою, мечтою, программою Руси и русского человека» [Розанов 2008: 633].

Петербург стал наглядным воплощением идеологии Петра Первого, его пассионарного напряжения, его «правдолюбия по программе», которую внедряли в жизнь чиновники – и «Россия стала чиновна» [Розанов 2008: 635]. Следствием Петровских реформ стала утрата живого религиозного чувства в массе чиновничества, в образованной части общества. И как горько заметит позднее Розанов, в России, чтобы прослыть революционером, нужно просто перестать ходить в церковь.

В 1917 г. резко меняются смыслы в понимании Розановым личности Петра Первого. Летом 1917 г. в письме к свящ. П.А. Флоренскому (1882–1937) он утверждает: «“Царь” хорош, когда он “мерзавец” (Вильгельм да и Петр)» [Письмо: 410]. Розанов берет оба слова (и царь, и мерзавец) в кавычки, через которые расширяет их смысл, наполняя их особым значением. В данном случае имеется в виду, что тот, кто находится у власти, должен и обязан любыми средствами пресекать всякие попытки насильственного ее свержения. Его в этом убедило разорение жизни, ее дикий упадок с приходом либерального правительства, которое ничего, кроме как бесконечно говорить, не умело и не могло делать.

Он укоряет служителей церкви в том, что они легко признали новую власть, стали открыто говорить о социалистической церкви, а не о монархической, а что лгать их принудил только Петр Великий. Вслед за этими со стороны церкви утверждениями Розанов напишет свои знаменитые слова: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три» [Розанов 2000: 6]. Однако если вспомнить его более раннюю работу, то окончательно «Русь слиняла» именно при Петре Первом, когда «вышла из киота». Кажется, Розанов тоже понял это, потому в «Апокалипсисе нашего времени» (1917–1918) пишет, что «народ рос совершенно первобытно с Петра Великого» [Розанов 2000: 7]. Первобытно, то есть вне православной веры. Это о народе. А образованное общество было увлечено литературой, которая заменила житийные и другие религиозные книги, взяв на себя образование и воспитание личности. Но занималась только одним: «как они любили» и «о чем разговаривали» [Розанов 2000: 7].

Еще меньше, чем к литературе, у Розанова доверия и к вере, и к Церкви, в которой царил не живое религиозное чувство, а формальное благочестие, потому «Петр Великий – необходим» [Розанов 2000: 194]. Причем Розанов не соотносит деятельность Петра с той разрушительной политикой большевиков, захвативших власть. Петр не только ломал, но и строил государство Российское, отвоевывал его независимость. Одного Петр не учел: выведя Русь из «киота» (то есть оторвав от корней), он вольно или невольно направил ее по тому руслу, которое неизбежно привело страну к трагическим событиям 1917 г.

В последний раз в «Апокалипсисе нашего времени» образ Петра Первого возникает в главке под названием «Свеча». Приведу ее полностью.

Россию подменили...

Вставив на место ее свечу с другим огнем, с другим пламенем, с нерусским светом, и от которого русская изба не согревается...

Кто его принес, давно ли, - декабристы или Герцен, Белинский ли? Может быть, Петр? Но с 60-х годов уже явно света русского не стало... Теперь остатки горячего сала на шандале, расплывшиеся, неблагоприятные...

Но когда та чужая свеча догорит (а она тоже догорит по законам истории), мы соберем с шандала остатки прежнего русского сальца. Сделаем уже тоненькую новую свечку, в две копейки. Все-таки поддержим ее в руках, дрожащую, старенькую. И пусть это будет нашей соборованной свечой, которую держит больной в руках. И поддержим и умрем [Розанов 2000: 330].

В этой картине соборования Руси/России вдруг все объединились, все собрались в последний раз вместе около умирающей страны. Таков результат выхода «из киота», затеянный когда-то династией Ро-

мановых, ярким представителем которой был и останется Петр Великий. Из этого ряда выпадает, конечно, Александр III (1845–1894), единственный из династии, кто понял, куда ведут все эти выходы «из киота». Но он слишком недолго был у власти, хотя много сделал для возрождения русской жизни в присущих ей формах и смыслах.

В историософии Василия Розанова Петр Первый занимает одно из ключевых мест, альфа и омега как преобразования Руси в Россию, так и последствий этого преобразования.

Источники

Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Москва: Айрис-Пресс, 2017. 560 с.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1977. Январь // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. / подгот. текста, сост., примеч. и вступ. статья Т.А. Касаткиной. Москва: Астрель: Аст, 2004. Т. 9, кн. 2. С. 5–38.

Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Очерк русской философии истории: антология / ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Земская. Москва: Институт философии РАН, 1996. С. 219–233.

Письмо В.В. Розанова к свящ. П.А. Флоренскому <от 29 июля 1917 г.> // Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Книга вторая / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; Санкт-Петербург: Росток, 2010. С. 408–411.

Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй // Розанов В.В. Сочинения: в 2 т. / сост., подгот. текста и примеч. Е.В. Барабанова. Москва: Правда, 1990. Т. 2. С. 419–629.

Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания // подгот. текста и коммент. В.Г. Сукача; вступ. статья В.В. Бибикина. Москва: Танаис, 1996. 804 с.

Розанов В.В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Москва: Республика, 2000. 429 с.

Розанов В.В. Петр Великий и Петербург // Розанов В.В. Собрание сочинений. Религия и культура. Статьи и очерки 1902–1903 гг. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Москва: Республика; Санкт-Петербург: Росток, 2008. С. 629–636.

Розанов В.В. Красота в природе и ее смысл // Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Красота в природе и ее смысл и другие статьи: 1882–1890 / ред., сост. и коммент. В.Г. Сукач. Москва: Прогресс-Плеяда, 2009а. С. 163–242.

Розанов В.В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Розанов В.В. Сочинения. Т. 2: Красота в природе и ее смысл и другие статьи: 1882–1890 / ред., сост. и ком-

мент. В.Г. Сукач. Москва: Прогресс-Плеяда, 2009б. С. 243-281.

Список литературы

Едошина И.А. Кто и почему позвал на царствие Романовых (к вопросу о легитимности прихода династии к власти в контексте культурных традиций России) // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конференции, г. Кострома, 25-26 марта 2010 г. / ред.-сост. И.Е. Едошина, А.Д. Шипилов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. С. 239–245.

Николюкин А.Н. Петр I Великий // Розановская энциклопедия / гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008. Стлб. 691–692.

Русакова О.Ф. Историософия: толкования предмета и типология // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, 2002. Вып. 3. С. 3–28.

Соловьёв К. Петр Великий: история, традиция, миф. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/etrovskoe-nasledie-imperiya-i-reformy.html> (дата обращения: 11.10.2021)

Шапошников Л.Е. Проблемы историософии в творчестве В.В. Розанова // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 30–39.

References

Yedoshina I.A. *Kto i pochemu pozval na tsarstvie Romanovykh (k voprosu o legitimnosti prikhoda dinastii k vlasti v kontekste kul'turnykh traditsii Rossii)* [Who and why called Romanovs to Kingdom (on question to legitimacy of Dynasty's coming to power in a context of cultural traditions of Russia)]. *Romanovskie chteniya*

Dinastiia Romanovykh i rossiiskaia kul'tura: materialy konferentsii, g. Kostroma, 25-26 marta 2010 g., red.-sost. I.A. Yedoshina, A.D. Shipilov [The Romanov readings. Romanov dynasty and Russian culture: conference materials, Kostroma, March 25, 26, 2010, ed.-comp. I.A. Yedoshin, A.D. Shipilov]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova Publ, 2010, pp. 239-245. (In Russ.)

Nikolyukin A.N. *Petr I Velikii* [Peter I Grand]. *Rozanovskaia entsiklopedia, gl. red. A.N. Nikolyukin* [Rozanov Encyclopedia, ch. ed. A.N. Nikolyukin]. Moscow, ROSSPEN Publ, 2008, stlb. 691–692. (In Russ.)

Rusakova O.F. *Istoriософия: tolkovaniia predmeta i tipologiiia* [Historiosophy: interpretation of its subject and typology]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. Ekaterinburg, 2002* [Scientific Yearbook of Institute of Philosophy and Law of Ural Branch Russian Academy Sciences]. Yekaterinburg, 2002, vol. 3, pp. 3–28. (In Russ.)

Solov'ev K. *Petr Velikii: istoriia, traditsiia, mif* [Peter Great: history, tradition, myth]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/etrovskoe-nasledie-imperiya-i-reformy.html> (access date: 11.10.2021) (In Russ.)

Shaposhnikov L.E. *Problemy istoriософии v tvorchestve V.V. Rozanova* [Problems of historiosophiya in the works by V. V. Rozanov]. *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on the conservatism], 2019, № 4, pp. 30–39. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.07.2021; одобрена после рецензирования 21.08.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 19.07.2021; approved after reviewing 21.08.2021; accepted for publication 12.11.2021.